

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И ВЕРСАЛЬСКАЯ ПРОПАГАНДА

«Да здравствует Коммуна!» — Более ста лет назад этот клич прозвучал в революционном Париже. 18 марта 1871 г. парижские рабочие взяли власть в свои руки. Однако это не означало, что борьба с реакцией была окончена. В течение 72 дней Коммуна вела постоянные сражения с врагами рабочего класса. Сторонники павшей империи и буржуазия в целом не заблуждались относительно того, в чьих интересах совершилась революция. Еще до версальских войск наступление на Коммуну начали версальские пропагандисты. Эта кампания велась главным образом через газеты. «Le Figaro» и «Le Gaulois», «La Cloche» и «La Bienne Publique», а также всевозможные листки, именовавшие себя «пти» (то есть «маленькие»), — эти и многие другие издания числом до 30 пытались организовать травлю революционной власти. Лишь некоторые органы буржуазной прессы рассуждали объективно. «Коммуна... является властью, которую нужно скорее признать, нежели оспаривать», — осторожно предлагала газета «Le Siècle». Но вскоре взяли верх классовые интересы, и она тоже включилась в крестовый поход против Коммуны¹.

Борьба с реакционной пропагандой шла одновременно по нескольким направлениям. Была организована комиссия по расследованию преступной деятельности буржуазного правительства. «Le Journal officiel», революционная правительственная газета, получила поручение публиковать на своих страницах все разоблачительные документы, поступавшие от комиссии. Речь шла о предательстве народных интересов в период франко-прусской войны. Но основной акцент в дальнейшем был сделан на развенчание антинародной роли версальских правителей после 18 марта 1871 года. В то же время на первый план в борьбе с реакцией выдвинулось обоснование правомочности революционного правительства. Реакционеры утверждали, будто правительство Коммуны пришло к власти путем «заговора» и является «диктатурой группы лиц». Реакционеры призывали парижан дать отпор «бунтовщикам» и «помочь законной власти» восстановить прежний порядок. На все лады они твердили об «анонимности» революционного правительства; злорадствовали по поводу того, что в восставшем

Париже не оказалось одного из лидеров революционного движения во Франции, Луи Огюста Бланки. Этот факт выдавали за доказательство «непопулярности» Коммуны. «Все, кто хорошо знает Бланки, — отвечали коммунар, — твердо убеждены: он был бы с нами, готовый защищать интересы народа». Бланки только потому оказался не в Париже, что агенты реакции упрятали его в тюрьму, стремясь помешать ему участвовать в движении масс².

Можно лишь в одном смысле говорить о «неизвестности» деятелей Коммуны, как писали сами участники революции: они не были знатного происхождения; они вышли из народной среды и не порывали с ней связи в отличие от деятелей версальского правительства. ЦК Национальной гвардии — этот боевой орган восстания — меньше всего можно было обвинить в том, что он неизвестен массам. Свыше 250 тыс. парижан, объединенных в рядах Национальной гвардии, участвовали в избрании своего ЦК. Демократическая печать активно пропагандировала его деятельность. Рабочие с энтузиазмом встречали выступления лидеров революционного движения. Коммуна, таким образом, имела все основания не обращать внимания на клевету реакции. Однако коммунары, порою отвлекаясь даже от главных задач борьбы, скрупулезно занимались опровержением каждого выпада реакционной пропаганды.

Еще одна попытка опорочить революционное движение состояла в том, что реакционеры объявили Коммуну «заговором Интернационала». Реакционеры твердят, — писал участник Коммуны и член Интернационала О. Серрайе, — будто Маркс водит за нос французских членов Интернационала, заставляя их устраивать стачки и требовать увеличения жалованья, чтобы облегчить немецкую конкуренцию; это идиотство, однако Совет должен им отвечать³... Коммунары «сражаются в пользу прусского короля, — клеветала буржуазная газета «L'Opinion nationale». — ...И позволительно добавить, что г-н Бисмарк — настоящий скряга», если они выполняют такую обязанность совершенно бесплатно. Конечно, — отвечал публицист Коммуны Пьер Везинье, — «Г-ну Геру (автору замет-

¹ A. Lepage. Histoire de la Commune. P. 1871, p. 45.

² «La Nouvelle République», 25.III.1871.

³ М. Ш у р и. Коммуна в сердце Парижа. М. 1971, стр. 272.

ки) по личному опыту известна щедрость Бисмарка»: все знают, что за поддержку прусско-итальянского союза он получал от Бисмарка весьма внушительные суммы⁴.

Большинство клеветнических выступлений реакционной прессы не было подписано, ибо, как отмечали коммунары, кому же хотелось признавать себя автором лжи? Однако наветы реакционеров, в какой бы форме они ни выражались, не проходили бесследно. Уверенность многих членов революционного правительства в их праве занимать ответственные посты была поколеблена. Сказалось также влияние мелкобуржуазной идеологии в революционном движении. Деятели ЦК Национальной гвардии порою говорили: «Народ еще не передал нам полномочий на государственное управление». Удивительно, но факт, что в ЦК благосклонно приняли делегацию реакционных мэров Парижа, визит которых преследовал ту же цель: обвинить восставших в противозаконных действиях. Поддавшись этому нажиму, ЦК Национальной гвардии объявил себя временным органом власти и поддержал идею выборов нового состава революционного правительства. Реакционеры, однако, понимали, что результаты выборов, подобно итогу 18 марта, все равно окажутся не в их пользу. Вот почему реакция, еще недавно требовавшая выборов, развернула вдруг широкоую пропагандистскую кампанию с целью помешать проведению выборов. 28 буржуазных газет напечатали провокационное воззвание к парижанам, агитируя их отказаться от голосования. Мэрам Парижа позволили устно и печатно распространять версию, будто Версаль готов пойти навстречу Парижу и организовать столь желанные народу выборы. На глазах у ЦК мэры расклеивали афиши, в которых от имени подставных лиц призывали к открытому сопротивлению революционной власти. Прошло немало дней, пока рядовые коммунары требовали от своего правительства запретить мэрам печатать «на официальных бланках афиши, которые представляют собой настоящие призывы к гражданской войне»⁵.

Саботаж выборов реакционеры организовывали не только с помощью слов. Контрреволюционная пресса стала зачинщицей открытого вооруженного выступления против ЦК Национальной гвардии. В рядах

воинственно настроенных манифестантов — биржевиков, лавочников, адвокатов, офицеров, — вышедших на улицы Парижа, было немало буржуазных газетчиков. Эта толпа двинулась к рагуше, но гвардейцы преградили ей дорогу. Тогда реакционная пресса принялась выражать соболезнование «жертвам» выступления, которое, дескать, имело самые безобидные намерения. Перед фактом этой грубой лжи коммунары не могли промолчать. Газета «Le Père Duchêne» попыталась вразумить разбушевавшихся врагов трудящихся: «Вы пошли по плохой дорожке, злосчастные вы душни... Успокойтесь! И отправляйтесь-ка по домам!»⁶. Многие революционные газеты выступили с разоблачением клеветы раньше, чем это сделал сам ЦК Национальной гвардии. Авторы большинства выступлений разоблачали агрессивные замыслы реакции весьма убедительно. Корреспонденты отмечали также: несмотря на то, что из толпы раздавались в адрес ЦК оскорбительные возгласы, национальные гвардейцы сохраняли спокойствие и выдержку. Не обращая внимания на угрозы, они неоднократно предлагали воинственному сборищу разойтись. Однако из толпы последовали выстрелы. Решительные действия национальных гвардейцев показали, что народ сумеет постоять за себя против любых происков реакции.

Вместе с тем следует отметить неравнозначность печатных выступлений по вопросу о выборах. Поддерживая идею выборов, идеологи мелкой буржуазии, участвовавшей в революции, стремились не столько разоблачить позицию Версаля, сколько убедить версальское правительство в необходимости выборов. «Если версальское правительство будет противостоять выборам, тогда как только выборы могут спасти положение, — писали эти публицисты, — то парижанам придется окончательно отделить себя от преступного правительства, и они установят власть, способную поддержать в столице порядок»⁷. Реакции, однако, не удалось сорвать подготовку к выборам. Развернулась агитация за кандидатов, глупо обо преданных интересам народа. На предвыборных собраниях ораторы разоблачали мэров Парижа, вскрывали их сговор с Версалем. А затем выборы подтвердили доверие народа к своим лидерам. 28 марта состоялось торжественное провозглашение Коммуны. Это вызвало новую волну напа-

⁴ «Архив Маркса и Энгельса». Т. XV. М. 1963, стр. 199.

⁵ «Протоколы заседаний Парижской Коммуны». Т. I. М. 1959, стр. 29.

⁶ «Le Père Duchêne», 24.III.1871.

⁷ «L'Ordre», 22.III.1871.

док. В Париже и в провинции реакционеры начали распространять слухи о «недействительности» голосования, о «неактивности» избирателей. Разоблачая эти выдумки, Коммуна заявила, что отныне Версаль не имеет права решать государственные дела. «Совместим ли мандат депутата версальского собрания с мандатом члена Коммуны?» — спрашивали коммунары. И отвечали: «Версальское собрание, отказываясь признать Коммуну, избранную парижским народом..., не заслуживает признания со стороны самой Коммуны»⁸.

На собраниях в клубах и в батальонах Национальной гвардии выступавшие требовали, чтобы версальское правительство ушло в отставку. Все газеты Коммуны опубликовали имена депутатов, отказавшихся заседать в Версале, и подчеркивали, что после того, как Виктор Гюго, Анри Рошфор, Феликс Пиа и другие известные общественные деятели вышли из состава версальской ассамблеи, она лишилась всякого авторитета в глазах населения. Коммунары призывали остальных депутатов последовать примеру ушедших⁹. Указывалось также, что версальское собрание не полномочно продолжать заседания, поскольку 140 мест в его составе остаются вакантными. Протоколы же заседаний, проходивших в Версале, Коммуна сделала достоянием широкой общественности. В нескольких газетах печатались отчеты с версальских заседаний. Написанные остро и ярко, эти отчеты усилили разоблачительный эффект строго протокольных записей, явственно обнаруживая реакционные тенденции у Тьера и его окружения. Коммуна приводила прямые факты, когда версальские правители поддерживали и осыпали наградами людей, верно служивших императорскому режиму. Внешняя политика Версаля, отмечали газеты Коммуны, ничем не отличается от политики Второй империи.

В то же время буржуазная ориентация версальского правительства почти не вскрывалась в публицистике коммунаров, и в этом одна из ее ошибок. Деятели Коммуны не до конца осознали, что она является государством нового типа, интересы которого коренным образом противоположны интересам буржуазного государства. К тому же, поскольку версальцы приписывали сговор с защитниками империи самой Коммуне, коммунары были вынуждены отве-

чать в первую очередь именно на эту клевету. «Мы должны разоблачить перед провинцией заговорщические и иезуитские интриги Версаля»¹⁰ — такую задачу все более осознали руководители Коммуны. Все острее ощущалась необходимость выступить с программным документом, который подробно и доходчиво объяснил бы цели и задачи Мартовской революции. 20 апреля в «Le Journal officiel» была напечатана «Декларация к французскому народу». Враги «кошачаются или обманывают страну, обвиняя Париж в стремлении разрушить единство Франции», — писалось в ней. В действительности Коммуна — это конец старого режима, конец милитаризма, бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа, монополий, привилегий, то есть всего того, чему пролетариат обязан своим рабством, а родина — своими бедствиями и страданиями¹¹.

Развиваясь как государство пролетарской диктатуры, Коммуна наносила удары по буржуазной собственности. Трудящиеся Парижа на своих собраниях высказывали одобрение этой политике, благодарили Коммуну за то, что она стремится «уничтожить эксплуатацию человека человеком» и «организовать труд с помощью ассоциаций». Коммуне все чаще приходилось вставать на защиту типично пролетарских акций, которые реакционная пресса именвала «варварством, насилием и грабежом». Защиту буржуазной собственности версальские пропагандисты маскировали заботой о процветании национальной экономики. Было, например, опубликовано письмо некоего фабриканта с жалобой на рабочих: по его словам, он делил с парижанами все тяготы франко-прусской войны, а теперь рабочие лишили его последних средств к существованию, поскольку из-за «беспорядков» в Париже его мастерские не получают иностранных заказов. Другой промышленник заявлял, будто он скопил состояние благодаря тому, что сам трудился, не разгибая спины. Каждый рабочий, утверждал этот собственник, может обзавестись средствами, если будет прилежно трудиться в мастерских своего хозяина¹².

В то время, как Коммуна восстанавливала разрушенное войной хозяйство и принимала меры для обеспечения всеобщей занятости, реакционеры твердили, будто мас-

¹⁰ «Протоколы...». Т. I, стр. 42.

¹¹ Там же, стр. 220—221.

¹² A. Balathier-Brageloune. Paris insurgé. P. 1872, pp. 535, 560.

⁸ «Протоколы...». Т. I, стр. 50.

⁹ «La Montagne», 2.IV.1871.

сы идут за Коммуной потому, что она дает им право «безнаказанно убивать и грабить». Опровергая эти выдумки, коммунары писали: «Был ли Париж когда-либо так спокоен?.. Париж отдан под присмотр народа, и потому в нем нет никаких беспорядков. Нет хищений, не слышно о ночных грабежах»¹³. Все конфискации делаются от имени республики и во имя ее блага. Что касается личных запросов, то декреты Коммуны лучше многих других документов говорили о необыкновенной скромности революционеров: вознаграждение членам Коммуны не выше заработка квалифицированного рабочего, уничтожены высокие оклады государственных служащих, ограничены оклады сотрудников муниципальных служб. Эти решения подчеркивают направленность финансовой политики Коммуны исключительно в интересах трудящихся масс.

От нападков реакции приходилось защищать такие распоряжения Коммуны, как декрет о ломбарде, откуда беднякам бесплатно вернули заложенные ими вещи; декрет о передаче предприятий, брошенных бежавшей буржуазией, рабочим ассоциациям; декрет о запрещении ночного труда пекарей, самой угнетенной категории парижских тружеников. Буржуа пророчили, что эти меры нарушат нормальное функционирование городского хозяйства. Реакционные газеты писали об этом в издевательском тоне: в связи с тем, что Коммуна отменяет ночной труд пекарей, свежий хлеб придется есть только по ночам или довольствоваться черствым. Печатались всевозможные пародийные декреты, вроде того, что Коммуна отменяет и впредь считает запрещенными ночные роды, поскольку они нарушают покой акушеров. 15 мая пекари организовали общегородское собрание с участием 2 тыс. человек. Оно состоялось под лозунгом «Да здравствуют дневной труд и уничтожение эксплуатации человека человеком!». Сообщение о собрании обошло страницы многих революционных газет, которые подчеркивали, что бежавшие в Версаль хозяева предприятий не посчитались с нуждами рабочих, и в результате саботажа владельцев городскому хозяйству причинен заметный ущерб.

В декретах Коммуны содержались некоторые положения, которые, возможно, и не выдержали бы проверку временем, не подтвердились бы практикой дальнейшего государственного строительства. Но одна

из заслуг коммунаров заключается в том, писал К. Маркс, что они не стыдились сознаваться в своих ошибках и исправлять их¹⁴. В хозяйстве Парижа действительно не все удавалось сразу наладить так, как этого требовали интересы трудящихся. Невозможно было моментально создать четко действующий управленческий аппарат, незамедлительно улучшить материальное положение трудящихся, обеспечить бесперебойное снабжение Парижа продуктами питания. Разъясняя трудящимся создавшееся положение, информируя о трудностях в организации новой жизни, революционные пропагандисты указывали, что в неполадках виновны в огромной степени реакционные чиновники и владельцы предприятий, скрыто или явно саботирующие решения Коммуны. Коммуна боролась с паническими слухами о будто бы грозящей Парижу разрухе, о необратимых процессах в развитии национальной экономики. Борьба со слухами и наветами на Коммуну была необходима, поскольку ложные сведения могли повлиять на остальные слои населения и еще более затруднить нормальное функционирование городских служб.

Понимая важность этой борьбы, Коммуна опровергала даже незначительную лжеинформацию реакционной прессы. В борьбе с клеветой Коммуна широко использовала опыт демократической печати, накопленный ею в период осады Парижа немецкими войсками. Демократические газеты внесли тогда немало дельных предложений об организации снабжения столицы, имея в виду прежде всего интересы трудящихся. По примеру печати того периода, газеты Коммуны регулярно помещали сводки о поступлении в Париж различных продуктов, оповещали население о стоимости товаров первой необходимости, называли места расширенной и удешевленной продажи товаров. Коммуна широко пропагандировала установление твердых цен на хлеб, мясо и сахар. Предавались гласности и те суровые меры, которые Коммуна применяла к расхитителям народного добра и спекулянтам.

Можно представить себе, насколько успешнее шло бы дело в Париже, если бы в руках Коммуны оказался Французский банк. Но Коммуна побоялась посягнуть на содержимое его кладовых. Пропагандисты революционной печати призвали «щадить» банк. Отказываясь от захвата банка, Коммуна тем самым сокращала, в частности,

¹³ «Le Cri du Peuple», 7.IV.1871.

¹⁴ См. «Архив Маркса и Энгельса». Т. III (VIII). М. 1934.

свои возможности ведения борьбы с версальской пропагандой. Сколько раз на заседании Коммуны ставился, но не решался вопрос о дополнительных ассигнованиях на агитационную работу за пределами Парижа, на территории, где свободно действовала реакционная пресса. Тем временем, пока коммунары брали банк под ненужную защиту, он превратился в «настоящий генеральный штаб реакции внутри столицы и стал центром, где собирались бесчисленные версальские агенты, которыми так и кишел Париж»¹⁵.

Защищать завоевания революции можно было только силой вооруженного народа. Вот почему версальские клеветники делали все, чтобы революционные массы сложили оружие и согласились на условия капитуляции, продиктованные Версалем. Проверсальская пресса запугивала население, утверждая, будто национальные гвардейцы обращают оружие против мирных парижских жителей. «Вчера,— нарочито писала газета «Le Siècle»,— на улице Дроно раздалось три выстрела. Причин перестрелки мы не знаем. К счастью, никто не пострадал». «Мы также не знаем, кто стрелял на улице Дроно,— парировала этот выпад газета «La Nouvelle République»,— однако несомненно, что «Le Siècle» пишет об этом неспроста: цель разговоров о перестрелке состоит в том, чтобы посеять панику и восстановить граждан против ЦК Национальной гвардии»¹⁶. Коммуна давала отповедь лживым рассказам о том, что население Парижа незаконно владеет пушками и боеприпасами. Неоднократно в официальных и неофициальных заявлениях Коммуны подчеркивалось, что парижане собственными деньгами заплатили за оружие. Однако, отстаивая право Национальной гвардии владеть оружием, публицисты Коммуны объясняли необходимость вооружения задачами обороны против версальской агрессии. Между тем вооруженный народ должен был бороться также против реакции, притаившейся в самом Париже. Не случайно излюбленной темой вражеской пропаганды были сообщения об арестах и обысках в Париже. Создавалось впечатление, будто власть Коммуны держится на терроре, а население подвергается необоснованным репрессиям. Коммуна взяла на себя обязанность опровергать эти измышления. В печати Коммуны регулярно сообщалось о

результатах обысков и причинах арестов: коммунары задерживали врагов народа, которые запасали оружие, готовясь участвовать в агрессии против Коммуны.

Обстрел Парижа версальской артиллерией заставил пропагандистов Коммуны обратить внимание на необходимость решительного отпора агрессору. Коммунары обличали лицемерие Версаля, который «готовится к походу на Париж, а потопив его в крови, опять скажет, что не хотел никакого кровопролития»¹⁷. Стремление преступников, говорилось в документах Коммуны и ЦК Национальной гвардии, состоит в том, чтобы «избежать наказания при помощи еще одного, последнего, преступления... Гражданская война— вот их единственный якорь спасения»¹⁸. Коммуна разоблачала утверждения, будто армия Парижа не хочет защищать революционные идеалы. От имени граждан столицы реакционеры печатали вымышленные протесты против обязательной военной службы, особенно против участия женщин в вооруженной борьбе. Женщины Коммуны в ответ на «сочувствие», которое им высказывали версальские газеты, заявили: для нас есть только один путь— плечом к плечу с мужьями, сыновьями и братьями активно участвовать в борьбе с Версалем.

Во время вооруженной борьбы с Версалем реакционные газеты часто выдавали желаемые ими победы за действительные. Коммуна стремилась в противовес обеспечить население самой оперативной и точной информацией. Борьбу с ложными сообщениями помогала Федерация парижских клубов. Она взяла на себя обязанность разъяснять населению события на основании сведений, полученных прямо от представителей Коммуны. Руководители Федерации полагали, что таким образом удастся «избежать плачевных последствий, вызываемых ложными сообщениями газет»¹⁹. Некоторые коммунары, чтобы остановить поток лжеинформации, предлагали запретить всем газетам, кроме «Le Journal officiel», печатать материалы о положении на фронте. Опровержение неверных заявлений Коммуна поручала военным специалистам и членам правительства, в обязанность которых входили регулярные поездки на фронт. Национальные гвардейцы тоже посылали с передовой протесты против реакционной лжи. Так, гвардейцы из форта

¹⁵ М. Шур и. Указ. соч., стр. 313.

¹⁶ «La Nouvelle République», 25.III.1871.

¹⁷ «La Nouvelle République», 23.III.1871.

¹⁸ «Протоколы...». Т. I, стр. 109.

¹⁹ М. Шур и. Указ. соч., стр. 330.

Ванв-и-Исси обратились в Коммуну со следующим заявлением: «Мы протестуем против лжи реакционных газет, сообщающих Парижу о сдаче обоих фортов, и требуем во имя справедливости закрыть эти газеты»²⁰.

Большинство революционных газет в апреле и мае 1871 г. ввело хроникку военных действий. Достоянием масс становились факты героизма национальных гвардейцев. Опровергались утверждения вражеской прессы о «трусости» коммунаров, «неумении» сражаться, пристрастии к «эффекту». Очернить коммунаров реакция хотела для того, чтобы вызвать к ним ненависть в рядах версальской армии и среди крестьянства; она твердила: батальоны Коммуны состоят только из иностранцев, «нравственных и политических отбросов различных стран». Такие утверждения, как замечала революционная газета «Le Cri du Peuple», давали возможность оправдать затем любые зверства версальцев: «Что можно возразить против жестокости, если в гражданской войне принимают участие люди, не имеющие на это никакого права?»²¹. И действительно, поскольку газеты Коммуны были малодоступны за пределами Парижа, реакционной прессе удалось настроить версальских солдат и значительную часть населения провинции в духе яркой ненависти к парижским рабочим. Коммуна обнародовала факты жестокости и вероломства со стороны версальских карателей, которые расстреливали пленных, издевались над ранеными, обстреливали госпитали, подвергали пыткам женщин — защитниц Парижа. Версальские дамы изящными зонтиками срывали бинты с ран национальных гвардейцев; солдаты поднимали ружья прикладами вверх, а потом, когда коммунары приближались, в упор стреляли по ним; генералы избивали связанных пленников. Воспитывая мужество и стойкость в коммунарах, революционная печать приводила слова Тьера, который заявлял о всевозможных гарантиях тем, кто сдастся в плен, и в то же время считал, что «в пылу битвы» допустимы исключения. Лицемерие этого заявления было для участников Коммуны очевидным.

Коммуна, как видно из ее разнообразных документов, проводила грань между обманутыми массами провинции и вдохновителя-

ми преступной войны против Парижа. Рассказывая о зверствах, чинимых солдатами, коммунары указывали на версальских генералов как на главных виновников преступления. Когда, писали газеты Коммуны, группа артиллеристов версальской армии отказалась обстреливать парижские кварталы, к ним направили жандармов с приказом беспощадно расправиться с каждым, кто откажется повиноваться верховному командованию²². Коммунары приходили к выводу, что остановить преступления можно только решительными действиями по отношению к виновникам войны и помощникам реакции. Многие рядовые участники Коммуны выступили в печати с требованием издать декрет о заложниках: нечего обращать внимание, писали они, на протесты и клевету реакционеров; «если кто-либо упрекнет нас за красный террор, мы им ответим: разве вы не видите, какую неслыханную жестокость версальцы проявляют по отношению к нам, обрекая на голодную смерть женщин и детей? Разве вы не видите, как они расстреливают пленных?»²³. В декрете о заложниках Коммуна разъяснила причины, побудившие ее принять эту меру. Однако она же медлила с применением декрета. В этой отсрочке, в этих колебаниях Коммуны тоже чувствовалось определенное влияние реакционной пропаганды.

Публицисты Коммуны показали себя достаточно боеспособными в сражениях с реакционной прессой. Но идеологи Коммуны допустили роковой просчет в борьбе с клеветниками: ЦК Национальной гвардии оставил за реакционной пропагандой свободу слова и только пытался «примирить» реакционеров с революционной властью. Так, высказывалось мнение, что именно благодаря переговорам между представителями революционного правительства и редакцией газеты «Le Rappel» последняя перешла на сторону восставших²⁴. Однако ЦК Национальной гвардии переоценивал свои возможности, надеясь внушить реакционным газетам, что их «главная обязанность заключается в уважении республики, правды, справедливости и искренности»²⁵. ЦК Национальной гвардии ограничил себя правом привлекать к ответственности лишь отдельных журналистов, наиболее рьяно

²⁰ А. И. Мол о к. Читатель газет Парижской Коммуны, «Большевицкая печать», 1938, № 5, стр. 4.

²¹ «Le Cri du Peuple», 29.IV.1871.

²² «La Nouvelle République», 31.III.1871.

²³ «La Montagne», 19.IV.1871.

²⁴ E. Moriac, Paris sous la Commune. P. 1871, p. 37.

²⁵ «Le Journal officiel», 20.III.1871.

выступавших против революционной власти. Только две газеты — «Le Figaro» и «Le Gaulois» — были закрыты по решению ЦК, причем первая из них сумела добиться своего возобновления.

Правительство Коммуны унаследовало эту ошибочную позицию ЦК Национальной гвардии. Коммунары посылали в редакции реакционных газет предупреждения и, только осознав безрезультатность уговоров, не без колебаний решались закрыть тот или иной рупор реакционной пропаганды. Сражаясь с клеветниками в Париже, Коммуна в то же время не остановила приток вражеской прессы из Версаля. Даже враги Коммуны удивлялись, что в отличие от Версаля на парижских вокзалах у пассажиров не отбирают оппозиционных газет. «Запрещения газет, аресты, расстрелы, конфискация имущества — это примитивные и грубые меры. Мы их считаем антиреволюционными, ставящими нас на одну доску с версальцами, которые запрещают наши газеты» — такое мнение было широко распространено среди коммунаров²⁶. В результате коммунар Ш. Бэле был недалек от истины, когда говорил: «Франция и весь мир слышали только один голос, вешавший о событиях в Париже, — голос Версаля, который через все глотки извергал клевету на революционную столицу»²⁷. Этот пробел в революционной пропаганде Коммуны частично восполнялся усилиями Генерального со-

вета Интернационала во главе с К. Марксом, который в дни Коммуны направил демократам различных стран массу писем и заявлений, содержавших научно обоснованные определения смысла и исторического значения борьбы коммунаров.

Коммуна, не имея рабочей партии, созданной на твердой марксистской основе, не сумела дать своим пропагандистам четкие с классовой точки зрения установки для толкования целей и задач революции. Конкретные мероприятия, осуществленные в интересах народа, разъяснялись недостаточно внятно. Коммуна истощала свои силы на опровержение бесконечных клеветнических нападок, не понимая, что клеветники не удовлетворятся никакими доводами и никогда не признают правоту победившего народа. Коммунары в борьбе с реакционной пропагандой занимали оборонительную позицию, тогда как требовалось активное наступление. Как раз одним из важнейших уроков Коммуны и явилось то, что своей героической борьбой она подтвердила важность бескомпромиссного отношения к классовым врагам и к враждебной пропаганде, важность подавления сопротивления со стороны буржуазии. «Для Коммуны это было особенно необходимо, — указывал В. И. Ленин, — и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала»²⁸. Таков один из ее уроков.

Н. П. Ефремова

²⁶ «L' Ami du Peuple», 24.III.1871.

²⁷ Ch. Beslay. La vérité sur la Commune. Bruxelles 1876, p. 52.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 42.